

— Не кажется ли вам, что в «Народе против» роль ведущего еще более минимализирована, чем в «Миллионере». Если там вы порой хотя бы пытались построить диалог с игроками, то здесь все ведение сводится к тому, что вы время от времени повторяете правила и спрашиваете у игрока, не желает ли он забрать выигрышные деньги. Вам не тесно в этих рамках?

— Мне-то как раз представляется, что роль ведущего в игре «Народ против» гораздо более выпукла. Надо сказать, что машинерия «Миллионера» — непревзойденное достижение телевизионного разума: публика, восхитительные декорации, любопытная графика. И если первую игру я бы сравнил с футболом, то «Народ против» напоминает скорее теннис, где практически все зависит от ведущего. Вот вам кажется, что умение строить длинные диалоги и есть его главное достоинство, но это не так. Хороший ведущий в чем-то сродни официанту: тебя обслужили, а ты и не заметил как. Вот когда зритель оказывается вовлеченным в действие, когда он не может оторваться от экрана и начинает сопереживать желвакам на лице игрока, это происходит только благодаря искусству ведущего. Здесь в ход идет все — взгляд, короткие реплики, ловкое замечание. Это настолько тонкая вязь, что чем меньше зритель ее замечает, тем лучше. А если ведущий торчит на экране, красуясь своей интонацией, лексикой, мимикой, это плохо.

— Классик говорил, что был любезен народу тем, что возбуждал своей лирой «чувства добрые». Вам не кажется ли, что ваша телевизионная лира уж что-то, а добрых чувств не возбуждает, скорее наоборот: алчность, жажду наживы?

— Наверное, вы не напрасно сейчас повторили название одной из игровых программ. Вы слышали когда-нибудь в «Народе против», чтобы я призывал игрока стать более алчным, или видели, чтобы человек провалился в кешку, или чтобы он был принуждаем сказать недоброе о ком-то?

— Нет.

— Тогда, как вы понимаете, даже сравнительная характеристика говорит в пользу игры «Народ против». На летучках совета директоров ОРТ нас с Якубовичем называют «два добряка», а Пельша и Киселеву — «два злыдня». Хотя это, конечно, не так, все мои коллеги, будь их воля, с удовольствием отдали бы все деньги вот этому бедному игроку, который сейчас мучается в студии. Но тогда бы мы послужили не миллиону телезрителей, а только ему одному. Но если наша игра сумеет кого-то позабавить и хотя бы на 50 минут поможет вырваться человеку из круга будничной суеты, это уже немало. Ведь есть населенные пункты в нашей стране, причем необязательно сельского типа, в которых нет ни театров, ни концертных залов, ни даже интернета, где единственное, что делает человека не подневольным рабом будней, а существом сопереживающим, — это телевидение. И разве мы не делаем по отношению к ним благо? Кстати, могу рассказать один забавный сюжет. Как-то я зашел к редакторам передачи «Народ против», разбирающим письма, и они, смеясь, протянули мне два конвертика: на одном письме, пришедшем из какого-то села Челябинской области, в графе адрес было написано: «Москва, «Останкино» да буды, да

буды, да буды Диброву». Ну, думаю, так меня здесь еще никто не называл. Второе письмо из какого-то новгородского села удивило меня еще больше: «Останкино, ОРТ, три забулды Диброву». И пока я думал, почему же в Новгородской области меня считают забулдой, девчонки, у которых для расшифровки было больше времени, говорят: «Ты ведь как объявляешь: «Наш адрес в интернете три дабелю», человек, не знающий интернета, так и пишет на конверте».

— Просто напрашивается сравнение вас с лучом света в темном царстве. Но даже и тех, удаленных от иных, кроме TV, проявлений цивилизации зрителей, наверняка раздражают мелькающие на экране деньги. У вас нет ощущения, что деньги все портят?

— Поскольку деньги — это интегральная форма благодарности человека человеку, ничего плохого в них нет. В тот день и час, когда деньги становятся не средством, а целью, — вот тогда начинается разрушение личности. Мне кажется, что в нашей игре деньги играют весьма сбалансированную роль, необходимую для психологического напряжения, без них она не приобрела бы азарта. И вместе с тем деньги не настолько преобладают, чтобы отвлечь наш интерес от крупного плана игрока: мы видим капли пота на нем, переживаем, когда он не может ответить на вопрос.

— А что вам как ведущему интереснее всего в программе?

— Любопытно наблюдать за игроками. Ведь каждый человек — это шахматная партия между Богом и дьяволом. Мне всегда интересно попытаться понять, что Бог хотел сказать вот этим человеком. Ведь через каждого из

Дмитрий ДИБРОВ является, наверное, одной из самых колоритных фигур российского телевизионного пейзажа. Интеллектуал и весельчак, философ и балагур — эти крайности уживаются в нем естественно и органично. Несмотря на достаточно «юный» возраст — неполные 43 года, — он уже успел оставить немало следов на дорожках отечественной телеиндустрии: «Взгляд», «Монтаж», «Воскресение с Дибровым», «Старый телевизор», «Антропология», «О, счастливчик», «Аутодафе». Помимо этого, ему довелось быть режиссером «Новой студии», главным режиссером IV канала «Останкино», креативным продюсером телеканала «Доброе утро». В настоящее время он ведет на ОРТ телеигру «Народ против» и ушедшую до осени на каникулы программу «Ночная смена»

Андрей ЧЕТВЕРИКОВ

ТРИ ЗАБУЛДЫ ДИБРОВУ, КОТОРЫЙ ВСЕГДА МЕЖДУ СОЛОНКОЙ И ПЕРЕЧНИЦЕЙ

Игорь ХАРИТОНОВ

Но все равно подвержен демону славы

нас проходит Армагеддон, битва между крылышками и рожками. И когда человек участвует в такой стремительной игре, как «Народ против», то узор божественного и сатанинского проступает особенно явно. Ну и еще мне, конечно, интересно, чем закончится очередная игра. Ведь я искренне заинтересован в том, чтобы игрок выиграл как можно больше.

— Может быть, ваша фамилия Дибров?

— Как показывает практика, чем больше выигрыш в игре, тем выше рейтинг следующей программы. Это поразительно, ведь, казалось бы, должно быть наоборот. И каждый раз, когда в кресло садится очередной игрок, то не только ведущий, а весь довольно большой коллектив, снимающий «Народ против», с замиранием сердца следит за игрой: хоть бы дошел до 50, до 100, до 150. И когда он срывается на очередном вопросе, мы страшно переживаем.

— Владимир Познер как-то признался, что даже он, несмотря на свой огромный опыт и профессионализм, волнуется перед эфиром. А вы что-то подобное испытываете?

зором и тарелкой. И если угодно, то этот ваш Дибров — такой же аксессуар стола, как и солонка с перечницей. Дневное время я уже изучал, когда вел «Старый телевизор». И знаю, что 14.00 — это не тот момент, когда зритель только-только приступил к еде и она его волнует больше всего остального на свете, а время, когда обед еще не кончен, но уже приносит десерт. И тут-то и появляется в эфире «Народ против». Такой замысел базируется на определенных телевизионных наработках.

— Честно говоря, сложно совместить в одном лице ведущего «Антропологии» с ведущим «Народ против».

— Вы знаете, а еще я иногда в ватерклозет хожу, а иногда в храм бываю, иногда под вечер в каком-нибудь клубе слушаю смешные, вечные пьяные рок-группы. Все бывает, не надо ничему ужасаться. Собственно, эта чехарда и называется жизнью.

— Не кажется ли вам, что другая ваша программа — «Ночная смена» (ОРТ) — намного более поверхностна, чем ее предшественница «Антропология»?

этой славой, вот только никто не приглашает. Но когда ее достигаешь, то тут же выясняется, что она ничего в твоей жизни не меняет, разве что только могут пропустить в очереди за колбасой. Да и то, если ее будет не хватать, придется стоять, как и всем остальным. А когда ты едешь пьяный за рулем, да еще и на красный свет, сотруднику ГИБДД совершенно безразлично, Дибров ты или кто, ведь для него едут реальные 100 долларов. И он берет свой столик с равным наслаждением, кто б ты ни был.

— Часто ли такое с вами случается?

— Нет, в последнее время практически никогда. Мне как-то нагадали, что я погибну пьяным за рулем. И с тех пор, выпив хоть чуть-чуть, я стараюсь за руль не садиться.

— Насколько всерьез Дмитрий Дибров принимает деньги?

— Так, как принимает деньги Дмитрий Дибров-ведущий. Чтобы игра состоялась, чтобы было установлено качественные декорации и компьютерное освещение, нужны деньги. Точно так же моя жизнь — это такой же продукт, и чтобы она была качественной, приходится говорить о деньгах. Но деньги никогда не были моей главной целью, для меня намного важнее слава. Я считаю, что на каждого человека оказывают воздействие, по крайней мере, три главных демона-искусителя: власть, деньги и слава. К последнему стремятся люди публичных профессий: актеры, музыканты, писатели. Их волнуют, собственно, не деньги, а известность. Совсем не так будет жить человек, подверженный демону денег. Слава его совершенно не волнует, он скорее втихую объедит пару-тройку тысяч человек. Как Корейко, будет хранить свои миллионы в каком-нибудь ватер-клозете и ходить в драной сорочке. Человек, подверженный демону власти, деспотичен, способен совершить все что угодно, лишь бы только получить возможность распространить себя на умы, поступки, мировоззрение миллионов людей. Как товарищ Сталин, он может всю жизнь ходить в военной одежде и сапогах, быть аскетом, как Ленин, только бы заполучить власть над миллионами, над историей, над страной. И только демон славы, единственный из всех трех, заставляет приносить человека пользу, потому что невозможно достичь славы, иначе как только став в чем-то необходимым для большого числа людей.

— Слава связана с узнаваемостью. Где бы вы ни оказались, на вас смотрят, оглядываются, подходят за автографом, это не раздражает?

— Как это может раздражать? Ведь что тут плохого, если кто-то подойдет и скажет мне какие-то добрые слова? Наоборот, это приятно. Ведь моя деятельность у большинства людей вызывает добрый отклик. Поэтому я считаю, что никогда нельзя отказывать в автографе или не соглашаться на просьбу с кем-то сфотографироваться. А если человеку это претит, то следует бежать с этой работы. Но при том у меня нет никаких иллюзий на свой счет, и я прекрасно понимаю, что люди на самом-то деле подходят не ко мне, а к моему электронному образу, и знают они не меня лично, а мой телевизионный продукт.

— На мой взгляд, такова данность. Мои проекты, как правило, опережают готовность общественного сознания адекватно их воспринимать года на два. Когда я только начинал «Антропологию» в 1997 году, все мне говорили: «Ну что ты затеял, кому нужны эти занудные беседы по ночам?». Прошло время, и посмотрите: на всех каналах в ночном эфире сидят мудрые люди и о чем-то беседуют. Так что подождите два года, и вы обнаружите, по крайней мере на трех других каналах, аналогичные «Смене» программы.

— Можно ли сказать, что вы всегда стремились к славе, что успех, признание были для вас одним из главных стимулов?

— Да, конечно. Если кто-то обвиняет телевизионщика, что тот, гад, ради славы на все готов, то, проанализировав себя, поймет, что тоже с удовольствием побежал бы за

Дибров Дмитрий

12.08.2002